АФАНАСИЙ ФЕТ

КАК БУДТО ВНЕ ЛЮБВИ ЕСТЬ В ЖИЗНИ ЧТО-НИБУДЬ...

Литрес

Афанасий Афанасьевич Фет
Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь…

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6135027
Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь…: АСТ; Москва; 2012
ISBN 978-5-17-071116-1, 978-5-271-32183-2

Аннотация

Фет без сомнения один из самых замечательных русских поэтов. Истинную, непреходящую красоту он находил в природе, в искусстве и, конечно же, в любви. В своей поэзии он стремился как можно дальше уйти от действительности, погрузиться в созерцание вечной красоты, не причастной суете, треволнениям и горечи повседневности.

Поэтическая память Фета не знала границ, что позволяло ему и на склоне лет писать стихотворения о первой любви, как будто бы он еще находился под впечатлением от недавнего свидания.

Содержание

Сердце трепещет отрадно и больно… 6
Тебе в молчании я простираю руку… 16
«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной…» 17
«Когда мечты мои за гранью прошлых дней…» 18
«Когда мечтательно я предан тишине…» 19
«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой…» 21
«Странное чувство какое-то в несколько дней овладело…» 22
«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье…» 24
«Ее не знает свет, – она еще ребенок…» 25
«Эй, шутка-молодость! Как новый, ранний снег…» 26
«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже…» 27
«Тебе в молчании я простираю руку…» 28
«Не говори, мой друг: «Она меня забудет…» 30
«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» 32
«Под небом Франции, среди столицы света…» 33
Смерти 34

«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня…» 36
Одинокий дуб 37
Италия 39
На развалинах цезарских палат 41
«Пойду навстречу к ним знакомою тропою…» 43
Старые письма 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Афанасий Фет
Как будто вне любви есть в жизни что-нибудь…

© Наталья Фомина, сост., вступит. ст., 2010
© ООО «Издательство Астрель», 2010
© ООО «Астрель-СПб», оригинал-макет, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Сердце трепещет отрадно и больно…

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

Зимой 1820 года состоятельный русский дворянин, ротмистр в отставке, Афанасий Неофитович Шеншин отдыхал и поправлял свое здоровье на водах в Германии, в городке Дармштадт, где он страстно влюбился в дочь обер-кригскомиссара [1] Карла Беккера – двадцатидвухлетнюю Каролину Шарлотту, бывшую замужем за мелким чиновником Иоганном Фётом. Через несколько месяцев та бросила мужа и бежала с Шеншиным в Россию. Родившийся в ноябре того же года младенец был записан в метриках как сын Шеншина и до четырнадцати лет считался таковым. Однако в 1834 году орловские губернские власти стали наводить справки о рождении мальчика. Брак, законный в Германии, был признан незаконным в России. Шеншин, опасаясь, чтобы юный Афанасий не попал в незаконнорожденные, поспешил увезти ребенка в лифляндский городок Верро [1], где стал хлопотать о

признании мальчика «сыном умершего асессора Фёта». Согласие было получено, но благополучный исход предприятия стал источником дальнейших жизненных несчастий будущего поэта: из русского столбового дворянина Шеншина он превратился в иностранца Фета, утратив право наследовать родовое имение.

До 14 лет Афанасий Шеншин (Фет) жил и учился дома. С 1834 года – в Верро. В 1838-м он поступил в московский пансион профессора М. П. Погодина, а в августе того же года был принят в Московский Университет на словесное отделение филологического факультета. Студенческие годы Фет прожил в доме своего друга и однокурсника Аполлона Григорьева, впоследствии известного критика и поэта-романтика. Эта дружба способствовала формированию у двух студентов общих идеалов и единого взгляда на искусство.

Фет начал писать стихи и уже в 1840 году издал за свой счет собрание стихотворных опытов под названием «Лирический Пантеон». Он стал постоянным автором журнала «Отечественные записки». В 1843 году В. Белинский писал, что «из живущих в Москве поэтов всех даровитее г-н Фет». Кстати, когда в «Отечественных записках» вышло первое стихотворение Фета, в типографии букву «ё» в фамилии автора заменили на «е». Шеншин не стал возражать против поправки: так его немецкая фамилия превратилась в псевдоним.

Бальмонт писал в начале двадцатых, прошлого века: «…

говоря о наших поэтах, наиболее сильных, почти неизменно сопоставляли два имени – Пушкин и Лермонтов. За последние лет двадцать пять к двум этим славным именам, в сопоставлении, присоединились, как равноправные, два благородные имени – имена, не менее лучезарные, чем те прежние звезды – Тютчев и Фет. Пушкин – заря наша, Лермонтов – комета, Тютчев – звездная ночь, Фет – любовный сад, звонкая от птичьих песен роща… Они, как восток и запад, как север и юг, – четыре угла нашего поэтического Эдема».

В 1845 «иностранец Афанасий Фёт», желая стать русским потомственным дворянином, поступил унтер-офицером в кирасирский Военного ордена полк, расквартированный в Херсонской губернии. Оторванный от столичной жизни, он почти перестал печататься. В херсонские годы произошло событие, предопределившее личную жизнь Фета: погибла его возлюбленная. Мария Лазич была бесприданницей, и Фет по своей бедности не решился на ней жениться. Вскоре после их окончательного разрыва произошел несчастный случай: от свечи загорелось платье Марии, она выбежала в сад, но не смогла потушить одежду и задохнулась в дыму. Сознание косвенной вины и тяжести утраты тяготило Фета на протяжении всей жизни. Долго в его стихах будут слышаться отзвуки этой трагедии:

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,

В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел, —
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

В 1853 году Фету удалось перейти в Уланский Его Величества лейб-гвардии полк, расквартированный под Петербургом. Он получил возможность бывать в столице, возобновил литературную деятельность, начал регулярно печататься в «Современнике», «Отечественных записках», «Русском вестнике», «Библиотеке для чтения».

Успех вышедшей в 1850 году в Москве книги «Стихотворения А. А. Фета» открыл ему в Петербурге доступ в кружок «Современника», где он встретился с И. С. Тургеневым и В. П. Боткиным. Позднее Фет познакомился у Тургенева с Л. Н. Толстым, вернувшимся из Севастополя. Кружок «Современника» общими усилиями выбрал, отредактировал и напечатал новое собрание «Стихотворений А. А. Фета», а в 1863 году оно было переиздано в двух томах.

В Крымскую войну Фет служил в войсках, охранявших Эстляндское побережье. В 1858 году он вышел в отставку в звании штабс-ротмистра. Потомственного дворянства он так и не добился: его чин соответствовал майору, а по новому

императорскому указу потомственное дворянство давалось лишь дослужившимся до полковника.

В 1857 году, женившись на Марье Петровне Боткиной сестре знаменитого русского врача С. П. Боткина, Афанасий Фет решил посвятить себя сельской жизни. Купив «на приданные деньги» в Мценском уезде хутор Степановку с двумя сотнями десятин земли и энергично занявшись хозяйством, он постоянно там жил и лишь зимой ненадолго наезжал в Москву. Фет оказался превосходным помещиком, дела шли очень хорошо, в конце семидесятых годов за сто с лишним тысяч рублей он приобрел имение Воробьевку в Щигровском уезде, Курской губернии. Под конец жизни состояние Фета дошло до той степени, что его можно было назвать богатым человеком.

В середине девятнадцатого века в поэзии почти безраздельно господствовал Некрасов и его последователи. По их представлению, стихи непременно должны быть злободневными, выполняющими важную идеологическую задачу. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» – провозглашали они. Пушкин же, в свое время считавший, что поэзия ценится прежде всего за свою красоту, осуждался. Хотя Фет много общался с Некрасовым и дружил со многими писателями круга «Современника», ему была близка именно пушкинская оценка поэзии. Фет выразился даже более решительно: «Я никогда не мог понять, чтобы

искусство интересовалось чем-либо кроме красоты». Истинную, непреходящую красоту он находил в природе, в любви и в собственно искусстве (музыке, живописи, скульптуре). В своей поэзии он стремился, в противоположность поэтам-демократам, как можно дальше уйти от действительности, погрузиться в созерцание вечной красоты, не причастной суете, треволнениям и горечи повседневности.

Поэтому его и отличало равнодушие к серьезным политическим вопросам тогдашнего времени. Придерживаясь крайне консервативных взглядов, Фет резко отрицательно воспринял отмену крепостного права и с 1862 начал регулярно печатать в «Русском вестнике» очерки, обличавшие пореформенные порядки на селе с позиции помещика-землевладельца. Тургенев назвал его «закоренелым и остервенелым крепостником и поручиком старинного закала». В их переписке появлялось все больше и больше резкостей. Противоположность политических убеждений в конце концов привела к болезненному для обоих разрыву. Лишь к концу 1870-х годов Тургенев возобновил переписку с Фетом: «Старость, приближая нас к окончательному упрощению, упрощает все жизненные отношения; охотно пожимаю протянутую вами руку…»

В 1873 году за Фетом наконец-то была утверждена фамилия Шеншин со всеми связанными с нею правами. К своему узаконению он относился с болезненным самолюбием, вызывавшим насмешку того же Тургенева. В письме от 1874

года тот писал: «Как Фет, вы имели имя; как Шеншин, вы имеете только фамилию».

В литературу Фет вернулся лишь в 1880-х годах, разбогатев и купив особняк в Москве. После долгого перерыва он снова пишет стихи. Лучшим его стихотворениям всегда был присущ лаконизм и некоторая абстрактность. «Не знаю сам, что буду петь, но только песня зреет», – так прямо декларирует Фет свою установку на иррациональность содержания. Чуть позднее этот принцип станет поэтическим кредо символистов. «Мечты и сны» – вот, по Фету, основной источник его вдохновений: Он говорит о своих стихах:

Нет, не жди ты песни страстной,
Эти звуки – бред неясный,
Томный звон струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навевают эти звуки
Ласковые сны.

В 1881-м Фет осуществляет свою заветную мечту – заканчивает и издает первый русский перевод главного труда своего любимого философа Шопенгауэра – «Мир как воля и представление», и осуществляет перевод «Фауста» Гёте. В 1883 году издается его стихотворный перевод всех сочинений Горация – труд, начатый еще на студенческой скамье. В 1886 году Фету за переводы античных классиков присвоено звание члена-корреспондента Академии наук.

Поэтическая память Фета не знала границ, что позволяло ему и на склоне лет писать стихотворения о первой любви, как будто бы он еще находился под впечатлением от недавнего свидания. Чаще всего Фет рисовал в своих стихах начало любви, самые романтические, просветленные и трепетные моменты: долгие взгляды, первые соприкосновения рук, первую прогулку вечером в саду, восторженное созерцание красоты природы, рождающее духовную близость:

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной… я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу…

Скончался Афанасий Шеншин 21 ноября 1892 года в Москве, не дожив двух дней до семидесяти двух лет. К концу жизни его одолевали старческие недуги: резко ухудши-

лось зрение, терзала «грудная болезнь», сопровождавшаяся приступами удушья и мучительными болями. За полчаса до смерти Фет настойчиво пожелал выпить шампанского, жена побоялась подать его и была отправлена к врачу за разрешением. Оставшись наедине со своей секретаршей, Фет продиктовал ей необычную записку: «Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий, добровольно иду к неизбежному» и собственноручно подписал: «21-го ноября Фет (Шеншин)». Затем он схватил стальной стилет и приставил к груди, но секретарша вырвала его, поранив себе руку. Тогда Фет якобы побежал через несколько комнат в столовую к буфету за другим ножом и вдруг, часто задышав, упал на стул. Через пять минут он был уже мертв. Формально самоубийство не состоялось, но по характеру всего происшедшего – это было именно самоубийство. Всю жизнь преодолевавший превратности судьбы, поэт ушел из жизни, когда счел это нужным.

Незадолго до смерти Афанасий Афанасьевич записал в дневнике: «Если спросить, как называются все страдания, все горести моей жизни? Я отвечу тогда: имя Фет».

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова невольно,
Как и бывало, пред вами, поэты.

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду проводит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.

Наталья Фомина

Тебе в молчании я простираю руку…

«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной…»

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную мглу.

1844

«Когда мечты мои за гранью прошлых дней…»

Когда мечты мои за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемый то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь там звучащих страсти эхом.

1844

«Когда мечтательно я предан тишине…»

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасное взглянуть,
И вижу ясное, – и тихо, улыбаюсь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь, – и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, —
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!

Как жить мне хочется до нового свиданья!

1847

«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой…»

Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет…
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.

Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал огромный
Придет – и убежит в объятия валов.

Одна передо мной, под мирными звездами,
Ты здесь царица чувств, властительница дум…
А там придет волна – и грянет между нами…
Я не пойду туда: там вечный плеск и шум!

1847, 1855

«Странное чувство какое-то в несколько дней овладело…»

Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим существом:
Радость и светлая грусть, благотворный покой и желанья
Детские, резвые – сам даже понять не могу.
Вот хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов и птичек звонкие песни —
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдем же, пойдем!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю – от пробора волос
До перекладины пялец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки носок.

Жалко… да нет – хорошо, что никто не видал, как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой, шалун,
Что изучает грамматику в комнате ближней, мне дорог.
Можно ль так ложно вещи учить его понимать!
Как отворялися двери, расслушать я мог, что учитель

Каждый отдельный глагол прятал в отдельный залог:
Он говорил, что любить есть действие – не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь ни зги;
Я говорю, что любить – состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай нам бог вечно любить!

1847

«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье…»

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя в ревнивом сне томит чужое счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желания твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом ресницы
Давно прочел, давно – и разгадал с тех пор,
Где жертву новую твой выбирает взор.
Несчастный юноша! давно ль, веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны?
Смотри, как счастлив он, как волен… он – ничей;
Лобзает ветр один руно его кудрей.
Рука, окрепшая в труде однообразном,
Минула берега, манящие соблазном.
Но горе! ты поешь; на зыбкое стекло
Из ослабевших рук упущено весло;
Он скован, – ты поешь, ты блещешь красотою,
Для взоров божество – сирена под водою.

Июль 1847

«Ее не знает свет, – она еще ребенок…»

Ее не знает свет, – она еще ребенок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок,
И столько томности во взгляде кротких глаз,
Что детства мирного последний близок час.
Дохнет тепло любви – младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,
И гребень, ласково-разборчив, будто сам
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют…
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что виноград
Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!

1847

«Эй, шутка-молодость!
Как новый, ранний снег…»

Эй, шутка-молодость! Как новый, ранний снег
Всегда и чист и свеж! Царица тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другою.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
Бегу! Далекие, как бы в вознагражденье,
Шлют звезды в инее свое изображенье.
В сияньи полночи безмолвен сон Кремля.
Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней стуже
Доходит бой часов порывистей и туже.
Бегу! Нигде огня, – соседи полегли,
И каждый звук шагов, раздавшийся вдали,
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягает слух, прервав мое дыханье.

1847

«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже…»

Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта; меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему этот дух разрушенья!
Ты доставать виноград высунешь руку на двор, —
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно была.

1847

«Тебе в молчании я простираю руку…»

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе – и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.

1847

«Не говори, мой друг: «Она меня забудет…»

Не говори, мой друг: «Она меня забудет,
Изменчив времени всемощного полет;
Измученной души напрасный жар пройдет,
И образ роковой преследовать не будет
Очей задумчивых; свободней и смелей
Вздохнет младая грудь; замедленных речей
Польется снова ток блистательный и сладкой;
Ланиты расцветут – и в зеркало украдкой
Невольно станет взор с вопросом забегать, —
Опять весна в груди – и счастие опять».
Мой милый, не лелей прекрасного обмана:
В душе мечтательной смертельна эта рана.
Видал ли ты в лесах под тению дубов
С винтовками в руках засевших шалунов,
Когда с холмов крутых, окрестность оглашая,
Несется горячо согласных гончих стая
И, праздным юношам дриад жестоких дань,
Уже из-за кустов выскакивает лань?
Вот-вот и выстрелы – и в переливах дыма
Еще быстрее лань, как будто невредима,
Проклятьем вопреки и хохоту стрелков,
Уносится во мглу безбрежную лесов, —
Но ловчий опытный уж на позыв победный

К сомкнувшимся губам рожок подносит медный.

1854

«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..»

Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной страницы —
И яркий белый свет начнет в глазах мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы.

За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором,
что так язвительно смеется призрак твой
И смотрит на меня таким тяжелым взором?

1854

«Под небом Франции, среди столицы света…»

Под небом Франции, среди столицы света,
Где так изменчива народная волна,
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбию мечта его полна.

Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо,
Под шум ей грезится иной, далекий край;
Так древле дикий скиф средь праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай.

О боже, перед кем везде страданья наши
Как звезды по небу полночному горят,
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле жгучий яд!

1856

Смерти

Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
Со взором, полным сладострастья,
В тебе последнего участья
Искать страдалец обречен, —

Не верь, суровый ангел бога,
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.

Придет пора – пора иная:
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.

Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча, сознавая, носит
Твое могучее зерно,

Кто дышит с равным напряженьем, —

Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

Конец 1856 или начало 1857

«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня…»

Целый заставила день меня промечтать ты сегодня:
Только забудусь – опять ты предо мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах я улыбку;
Вновь позабудусь – и вновь листья в глазах да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого клена,
Милая дева-дитя, в белом ты чинно сидишь.
Да, ты ребенок еще; но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злому вослед!
Златоволосый, как ты, на твоих он играет коленях,
В вожжи твой пояс цветной силясь, шалун, обратить.

Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой,
Веткой левкоя тебя хочет ударить другой.
Полно, шалун! Ты сронил диадиму с румяной головки;
Толстою прядью скользя, вся развернулась коса.
Цвет изумительный: точно опала и бронзы слиянье
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
О Афродита! Не твой ли здесь шутит кудрявый упрямец?
Долго недаром вокруг белый порхал мотылек;
Мне еще памятен образ Амура и нежной Психеи!
Душу мою ты в свой мир светлый опять унесла.

1857

Одинокий дуб

Смотри, – синея друг за другом,
Каким широким полукругом
Уходят правнуки твои!
Зачем же тенью благотворной
Всё кружишь ты, старик упорный,
По рубежам родной земли?

Когда ж неведомым страданьям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы
Рукой суровой непогоды
Упрямый щиплют твой венец?

И под изрытою корою
Ты полон силой молодою.
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной броней.

Всё дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя незримым ходом
Ползет простор твоих корней,
И, в их кривые промежутки

Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.

Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветр несет в дубровы
Твои поблеклые листы,
С ним вести на простор широкий,
Что жив их пращур одинокий,
Ко внукам посылаешь ты.

1856

Италия

Италия, ты сердцу солгала!
Как долго я в душе тебя лелеял, —
Но не такой душа тебя нашла,
И не родным мне воздух твой повеял.

В твоих степях любимый образ мой
Не мог, опять воскреснувши, не вырость;
Сын севера, люблю я шум лесной
И зелени растительную сырость.

Твоих сынов паденье и позор
И нищету увидя, содрогаюсь;
Но иногда, суровый приговор
Забыв, опять с тобою примиряюсь.

В углах садов и старческих руин
Нередко жар я чувствую мгновенный
И слушаю – и кажется, один
Я слышу гимн Сивиллы вдохновенной.

В подобный миг чужие небеса
Неведомой мне в душу веют силой,
И я люблю, увядшая краса,
Твой долгий взор, надменный и унылый.

И ящериц, мелькающих кругом,
И негу их на нестерпимом зное,
И страстного кумира под плющом
Раскидистым увечье вековое.

между 1856 и 1858

На развалинах цезарских палат

Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьется,
Над сводами глухих и темных галерей
В груди моей сильней живое сердце бьется,
И в жилах кровь бежит быстрей.

Пускай вокруг меня, тяжелые громады,
Из праха восстают и храмы, и дворцы,
И драгоценные пестреют колоннады,
И воскресают мертвецы,

И шум на площади, и женщин вереница,
И вновь увенчанный святой алтарь горит,
И из-под новых врат златая колесница
К холму заветному спешит.

Нет! нет! не ослепишь души моей тревожной!
Пускай я не дерзну сказать: «Ты не велик»,
Но, Рим, я радуюсь, что грустный и ничтожный
Ты здесь у ног моих приник!

Безжалостный квирит, тебя я ненавижу
За то, что на земле ты видел лишь себя,
И даже в зрелищах твоих кровавых вижу,
Что музы прокляли тебя.

Напрасно лепетал ты эллинские звуки:
Ты смысла тайного речей не разгадал
И на учителя безжалостные руки,
Палач всемирный, подымал.

Законность измерял ты силою великой —
Что ж сиротливо так безмолвствуешь теперь?
Ты сам, бездушный Рим, пал жертвой силы дикой,
Как устаревший хищный зверь.

И вот растерзаны блестящие одежды,
В тумане утреннем развалина молчит,
И трупа буйного, жестокого невежды
Слезой камена не почтит.

Между 1856 и 1858

«Пойду навстречу к ним знакомою тропою…»

Пойду навстречу к ним знакомою тропою.
Какою нежною, янтарною зарею
Сияют небеса, нетленные, как рай.
Далеко выгнулся земли померкший край,
Прохлада вечера и дышит и не дышит
И колос зреющий едва-едва колышет.
Нет, дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари иль вдоль дороги серой…
Какою молодой и безграничной верой
Опять душа полна! Как в этой тишине
Всем, всем, что жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.
Иль мне послышалось? – В подобные мгновенья
Вдали колеблются и звуки, и виденья.
Нет, точно – издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.

1859

Старые письма

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Всё, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречают взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.